

## Красный рождественский сарафан

В пять лет Полю пришли сватать. В семь лет приходили сватать. В восемь. И в десять... Куда уж там? Мать не отдавала.

Таких, как Поля, ещё поискать. Приезжали издалека на её рукоделие любоваться. Глаз завистливый потешить. На подзоры да на салфетки. Мать-искусница ещё научила из картошки крахмал добывать. В крахмале том прокипятить, хитро вливая его при закипании, потом растянуть на лучинках, отгладить утюгом. Ой, и что это были за снежинки!!! Расхватывали на любом базаре в первую очередь! А Поля, лишь уснут родные, страстно любила читать. Книжки отец прятал. Да как от девчонки пронырливой спрячешь?

Поля старшей была из детей. Сестёр девять! И ещё брат! За всеми смотрела. Пела колыбельные. Пела страдания. Частушек больше всех знала. По вечерам соберёт ребятню вокруг – сказки при лучине рассказывает. Детки слушают, точно Поля знала колдовские тайны их Угомона! А та заодно ещё обвязывает их всех. И носочки. И чулочки. И кружева.

Конечно, все мечтали о такой невестке. Но мать у подола держала. Споручница и самой нужна!

В церковь Поля не ходила. Не ходила уже давно. С тех самых пор, как батюшка обидел её, грубо вытащив за ухо из очереди взрослых прихожан за ложечкой кагора, да ещё «ускорение» придал коленом под зад. При воспоминании об этом ухо Поля опухало и горело, не от стыда – за досаду пережитого унижения, точно она – вор какой. И кажется, что вся деревня всякий раз ей тот случай пеняет. Позорище! Тогда многие «вечно голодные и холодные» ребятишки просачивались в очередь за причастием к телу и крови Христа, уж куда больше раз, а выволокли именно Полю.

И поэтому, после революции, когда большевики из церкви батюшку изгоняли, она даже не пожалела. Так ему и надо, толстопузу!

Поля лучше всех знала молитвы. Хорошо пела. И когда в Рождественский сочельник ребятня гоношилась ходить по домам да заводить колядки, всегда – первая с ними. «Взвейтесь кострами, синие ночи, мы – пионеры, дети рабочих» тоже знала. Но колядки ей нравились больше.

И тем вечером уж обошли почитай всё соседнее село. А наколядовали мало. Ребята честно драли горло на морозе, выбиваясь из сил, но избёнки бедные, подавали мало. Пели то колядки, то молитвы, то «Ой, яблочко, да на тарелочке, надоела мне жена, пойду к девочке!», пускались вприсядку, водили хороводики, стучали в окна. Уже и силы на исходе, а похвастаться – абсолютно нечем. Если подавали продукты – тут же съедали. На дне мешка – лишь несколько монеток да какие-то детские вещички. Видимо, перед ребятишками уже прошли местные колядовщики и всё зачистили. Даже специальный наряд Полины – она изображала ангела, не очень помогал. Ангельские крылья поверх перелицованного сто раз пальто и накрахмаленных кружев порядком истрепались.

Хорошо было только Митьке – его одели теплее всех. Вторая шуба поверх фуфела завязана ушками медвежьими. Поэтому Митька не танцевал и не пел, а таскал за всеми пустые санки в ожидании богатой добычи. Остальные одеты намного проще.

Желудки детей бурчали. Есть просили. Мороз кусался за цыпки. Ноги в валенках просто задубели. С чем домой возвращаться?

– А пойдём-ка гуртом к богатому дому учёных! – предложил тогда Николай. Он был самым старшим в компании и самым смышлёным. Тащил шест, обвязанный красными старыми лентами и с прибитым гвоздями жёлтым солнцем.

– Не, – стали отказываться самые слабые. – У них забор! Собака! Выскочит. Покусает!

– Так ведь Сочельник! Всех собак на цепь сажают!

Незаметно ребяташки подобралась ближе к выделяющемуся среди остальных нарядному дому. Очень солидному и грозному на вид.

Дворника нет. Калитка не заперта. Собака сытая. Даже не залаяла. А окна – боже мой! Какие убранные высокие окна! Без ставень даже! На них снежинки, вырезанные из белой тонкой бумаги. Шарики ваты на ниточках. В самой большой комнате – ёлка. И свечи кругом! Люди под пианино вальсируют «танцы для богатых» и... смеются!

– Поля! Ты у нас певунья! Давай ты первая! А мы за тобой!

– Что им петь-то? – растерялась Поля.

– Молитву, конечно! – настаивал Митька.

– Ой ты, яблочко, куды ты котисся, упадёшь ко мне в рот, не воротисся! – предлагал Николай.

– Ах ты, милая картошка-тошка-тошка-тошка, пионеров идеал-ал-ал! Тот не знает наслажденья-денья-денья-денья, кто картошки не едал-дал-дал, – подсказывали остальные.

– Наши бедные желудки-лудки-лудки-лудки были вечно голодны-ны-ны! И считали мы минутки-нутки-нутки-нутки до обеденной поры-ры-ры! – подхватил Николай, потрясая фанерным солнцем, но больше для того, чтоб согреться.

– Зачем им про картошку-то? Они богатые. Голода не знают... – сомневалась девочка, но ребятня уже проталкивала её ближе к высокой парадной двери. Звон колокольчика прервал шум и вызвал интерес жителей этого таинственного дома.

– Кто там?

– Коляда-коляда! – завела колядку Поля, как всегда, первой. Яркий, почти солнечный свет вырвался наружу, детишки втолкнули Полю внутрь и захлопнули резную дубовую дверь. И тут же бросились врассыпную.

Поля моргала блестящими глазёнками, ужасом своим умиляя весёлую компанию. Люди оставили танцы с музыкой и окружили смущённую деревенскую девочку, обряженную белыми грязноватыми кружевами поверх шали. С поникшими ангельскими крыльями. Валенки в снегу.

– Ты колядовать пришла? – спокойно и ласково спросила хозяйка с высокой причёской, поправив седой завиток. Идеальные складки шерстяной юбки едва прикрывали лаковые туфельки. На талии – чёрная лента, завязанная сзади затейливым бантом. Блузка украшена по-городскому... – Ты нам споёшь?

Поля, разглядев на красивой женщине изысканное кружево, невольно запоминая рисунок, кивнула.

– Спой! – весело повелела хозяйка, уловив восхищение девочки. – Как уж споёшь, столько и на-колядуешь. А не понравится нам, так и не получишь ничего. Согласна?

Поля снова кивнула и запела. Высоко и тоненько. Чисто и прекрасно. Звонче серебряного колокольчика, что висел в прихожей. Только никто сначала не сообразил, что такое исполняет перепуганная насмерть маленькая гостья. А Поля пела под мотив «Яблочка»:

– Рождество Твоё, Христе Боже наш, возсия миру свет (ты) разума, в нём бо звёздам служащий звездою учахуся Тебе (то да уж) кланяются, Солнцу правды, и Тебе веде (и е) ти с высоты Востока. Господи, слава Тебе!

Люди в доме дружно и громко засмеялись, чуть не попадали. Вытирая слёзы удовольствия, хозяйка спросила:

– А мешок у тебя для подарков есть?

Поля, не понимая, чем вызвала сей бурный смех, стала пятиться к двери, упёрлась в неё спиной, отрицательно помотала головою. И только тогда осознала, что пела не молитву, а «Яблочко». О! Ужас!

Но хозяин дома, чтобы вывести ребёнка из конфуза, ласково спросил:

– Какая боевая! А ещё что петь умеешь? «В лунном сиянье» умеешь?

– Умею! – обрадовалась певунья.

Послушно заиграло фортепиано. Под аккомпанемент стало петь куда приятней и легче. И уже увереннее и громче полилось на весь дом: «В лунном сиянье снег серебрится...» Поля пела очень высоко. Пианист выводил на октаву ниже. Гости захлопали. Девочка зарумянилась от счастья и поклонилась до пола, мокрой варежкой очертя пред собою полукруг на паркете.

Она спела ещё бойко «Ах ты, зимушка-зима, ты холодная была» и «Выводила я корову на росу, повстречала я медведя во лесу...», а после – «Кони мчались, пули свистели, но догнать они нас не могли...».

Публика веселилась, дружно аплодировала и охотно подпевала каждой музыкальной затее. И Поля перестала бояться.

В зале уютно. От фарфоровой печи – жар на всю поселенную! Хорошо-то как!

Хозяйка всё подкладывала и подкладывала гостинцы в мешок после каждой песни. А как подала-то – подала. Он почти заполнился – очень большой и совсем новый ситцевый мешок!

Вот это получился праздник!

В этом мешке уместились кусочки жареных кур, яблоки, запечённые с творогом, литые сахарные петушки, коробочки леденцов с «Монпансье» и настоящие городские печатные пряники в белой глазури. А поверх множества пирожков с печёнкой, капустой, зайчатинной три каравая белого хлеба!

Провожая, щедрая женщина поцеловала ангелочка с усталыми крыльями в лоб:

– Спасибо, голубушка, порадовала ты моё сердце! На, носи своим проказникам. А то носы любопытные об окна отморозят совсем!

Когда Поля осталась одна на крыльце, команда её быстро окружила:

– Что ты пела?

– Не помню! – выдохнула девочка. – Вы зачем меня одну втокнули?

– Ух ты, мешок-то какой красивый, немалый! Красный в белый горох! А что внутри? Пахнет!

– На всех хватит, – похвалилась Поля.

Поделили все не по числу колядующих, а по количеству едоков, что ждали гостинцев дома.

– Чур, мешок мой! – сообразил Николай. – Мать мне из него на лето рубаху пошьёт! Это я придумал колядовать у богатеев!

– Нет! – возмутились ребяташки. – Пусть мешок Поле достанется! Она заслужила!

Так Поля заработала к лету красный рождественский сарафан!

## Как Венька Полосатый стал взрослым

Глубоко в грунт из-за небывалой жары ушла вода. Колхозные сады кое-как поливались общими усилиями, а вот огородики местных жителей постиг неурожай.

Вечно голодные мальчишки под предводительством Веньки Полосатого присмотрели общественные абрикосы. Только как к ним подобраться? Там сторож Иван Нетамович, по кличке Вам НеДам, сады и бахчу охраняет. А пёс его Барабулька – злой, как чёрт!

Летом ночи короткие. Как темноты дожидаться? Полезли ещё засветло.

Загнал Вам НеДам главаря голодной шайки в тупик и отстегал вожжами до красноречивых полос на спине.

Пацанва тут злобу затаила, а Венька и подавно. Придумали они план мести. Прокрались на бахчу совсем уж чёрной ночью, когда Барабулька со сторожем спали в сторожке. Повыдёргивали из земли все арбузные корни и обратно в землю закопали, как было. Почти целую делянку угробили!

Осерчал Вам НеДам. Зарядил ружьё солью. Знал – сливы дозрели, полезет пакостить шантрапа. Устроил засаду. И дождался. Только ребятня на стволы за сливами забралась, выпустил он пса. И давай палить солью по местам детским – спины чуть пониже.

Всю ночь в ручье вымачивали разбойники раны, задницы почёсывая. К утру боль насилу отпустила.

А обида не прошла. Разгорается. Месть чёрная глаза застит! Поглядывает на ножовку Венька Полосатый. И мыслит лишь об одном – поспиливать все деревья в колхозном саду.

Поутру проснулся Венька от скрипа колодезного ворота. Глядит в окошко – сестра старшая с довольной улыбкой из-за прибывшей за ночь воды старается, её из колодца добывает, саженцы черешни поливает. Тяжело ей, а не бросает работы. Вспомнил он, как с утра до ночи поливает Ван НеДам, ослабленные ростки в колхозном саду, хотя не агроном он, а сторож. Сколько труда и сил вкладывает в общее дело. Подумал о деревьях – не один десяток лет надо за ними ухаживать, чтобы дали они здоровые побеги, крепкие стволы и сладкие плоды. Вздохнул глубоко, отбросил ножовку в сторону и поднялся сестре помогать.

## Ярмарка

Для улучшения досуга ребятшек администрацией детского оздоровительного лагеря было объявлено, что через неделю состоится ярмарка поделок. Заблаговременно напечатали лагерные деньги и выдали каждому ребёнку по пять ценных рубликов.

Как же усердно работали пионеры в разных художественных кружках! Кто-то разглаживал утюгом шелуху чеснока и лука, наклеивая её в виде цветов на чёрную бархатную бумагу. Кто-то шил мягкие игрушки. Кто-то вышивал крестиком. Кто-то вязал. Одни умудрялись плести из соломки бычков, другие – корзинки из прутьев. Каждый юный умелец мог похвастаться изделием, созданным маленькими умелыми собственными творческими ручками.

Видя всеобщий энтузиазм и ответственность детей, директор лагеря решил, что ребятшек надо обязательно чем-нибудь поощрить. И велел напечатать блинов. Стоимость одного блина со сметаной определили ровно в пять нарисованных рубликов, впрочем, как и любое из изделий детишек.

И вот вожатые отрядов гордо выставили поделки на столы, на стулья, на стеллажи и даже на фанеру, расположенную вдоль дорожек пионерского лагеря.

Мальчики и девочки взволнованно нарезали круги по гомонящей возгласами ярмарке.

– Смотри! Какая белка из шишек! – раздавались восторженные голоса.

– Ай да плюшевые мыши!

– Надо же так модель самолёта склеить! Как настоящий лайнер! Только маленький!

Глаза детей разбегались. А что выбрать? Не знал никто! В руках-то всего пять рубликов. Если выберешь одно, то другое упустишь. А зачем им вышитые соседкой по палате платочки? Или вязаные грибочки?

Но уже через час все проголодались. Детишки унюхали запах горячих блинов и потянулись к столу поварихи.

К вечеру оказалось, что ребята не купили ни одной поделки. И все бумажные рублики сосредоточились на столе не на шутку озадаченной поварихи.

Зато при столовой родился музей детского искусства.

## Котята

Примадонной двора, без сомнения, была Ланочка со второго этажа. На всех детских утренниках она звонче всех читала стихи. Её белоснежные бантики и гольфы одинаково завораживающе действовали как на подружек по двору, так и на их мамочек, и даже папочек. Мальчишки не могли даже дёрнуть её за косички, потому что они были заплетены в тугие аккуратные каралечки. И на Новый год Снегуркой неизменно выбирали именно Лану.

Так случилось, что из подвала Ланочкиного дома белая дворовая кошка вывела на свет красивых и пушистых котятков. Чёрненького, серенького, беленького и рыженького в полоску.

– Ланочка! Выходи играть! – закричали ей дети. – Тут котятки!

– Сейчас-сейчас! – ответила им из окошка девочка. – Только оденусь!

И она принялась подыскивать к новой розовой юбочке подходящую кофточку.

Самым старшим среди местной мелюзги был шестилетний Борька.

– Этого чёрненького я заберу себе! – решительно заявил он.

С ним никто не смел спорить. Но вдруг соседка Ланочки Светка твёрдо заявила:

– Это наш подвал. Значит, чёрненький должен быть либо моим, либо Ланочки.

– Зачем тебе чёрненький? – удивилась Машка с третьего подъезда. – Я бы взяла белого.

– Хорошо, – сказал Борька. – Тебе белый. Мне чёрный. А рыжего мы отдадим Светке.

– Это почему это мне рыжего?

– Он самый красивый, – мечтательно протянул белобрысый Мишка.

– Вот себе его и забирай, – обиделась Светка. – Сам рыжий. И кот у тебя будет рыжий!

– Ну и заберу! – взял на руки котёночка мальчик и, пока детки не передумали, унёс его домой.

Тем временем Ланочка перевернула всю квартиру в поисках белой в розовый горох кофточки.

– Мама! Где моя новая кофточка?

– В стирке, – ответила ей мама.  
Ланочка сильно огорчилась.  
А детки со двора снова закричали:  
– Ла-нааа! Выходи! Тут котятки!  
– Сейчас-сейчас! – ответила им Ланочка и с новыми силами забралась в шкаф, подбирать к новой юбочке достойный «верх».  
– Иди ко мне! – нежно взяла на руки чёрного котёночка Светка, понимая, что уже никому его не уступит. Котёнок заурчал, чувствуя тепло и любовь маленькой уверенной руки.  
– Борь, а Борь, посмотри, а ведь серенький котик ещё пушистее, чем этот!  
– Нет. Серый мне не нужен. Или чёрный, или вообще никакой, – спорил Борька.  
– Какая разница, какой котёнок! Вы их сейчас домой принесёте, а мамы не разрешат их оставить! – усмехнулся Маркуша из соседнего дома. – Вот моя бы мамка белого взяла. У нас дома всё белое.  
– Да! Белый котёнок – это супер! – подтвердила Машка. – У папы машина белая!  
– У нас тоже! – неожиданно для всех сгрёб в охапку белого котёнка Борька и побежал домой.  
Машка даже ахнуть не успела.  
– Ну и ладно! – повернулась Светка к Маркуше. – Тогда ты можешь взять себе кошку. Она ведь тоже белая!  
– Зачем мне твоя кошка?  
Тут из Борькиной квартиры послышались громкие крики рассерженной мамы, а потом и он сам появился с котёнком.  
– Что? Не пустила? – понимающе спросили ребятки.  
– У-у! – понурил голову Борька.  
– Ла-ан! Выходи! Тут котятки! – снова закричали детки...  
– Выхожу! – слышали они ответ.  
– Значит, беленький достанется Ланочке, – сказала Светка.  
– Вот ещё! – не растерялся Маркуша. – Мне на день рождения обещали велосипед. А котёнок-то бесплатный! Вместо велосипеда – разрешат.  
– Спорим, не разрешат! – отговаривала мальчика Машка. Ей нравился белый котёнок.  
– Разрешат!  
Маркуша аккуратно завернул белого котёнка в свою жилетку и скрылся в подъезде.  
Детки некоторое время ждали скандала. Но не дождались.  
– Разрешили, – с огорчением вздохнула Машка и забрала серого котёнка.  
Тут из первой квартиры вышла баба Нюра. Видя, что котят разобрали и кошка одна: – Кис-кис-кис! – позвала она и поманила её в свою квартиру. – Иди поживи у нас, от мышей спасу нет!  
Детки разошлись по домам.  
Тут Ланочка вспомнила, что кроме новой розовой юбочки у неё есть ещё плиссированная жёлтая. А к ней – жёлтая в белую полосочку водолазка. Как всегда нарядная, она выбежала во двор. Но ни деток, ни котят, ни кошки там уже не оказалось.

## Сладко

Вышла Олька во двор, держит в руках горячий маковый калач. Видит – Жучка на Мурку лает. Шипит испуганная Мурка.  
Отломил Олька половину калача для Жучки. Та проглотила, завилыла хвостом. Перестала нападать на кошку.  
Тут воробей подлетел, головку наклонил, на Ольку снизу вверх посматривает, тоже калача просит, за ним – другой, третий...  
Разделила им Олька оставшийся калач. Зачирикали благодарные воробьи.  
На аппетитный запах муравьи сбежались. Отряхнула ладошки Олька. Растащили насекомые остатки в свой муравейник.  
Ничего не понимает Олька – её лакомый завтрак живность поела, ни крошки самой не досталось, но почему так сладко внутри?

## Три конфетки

Соседка тётя Нина принесла для Лёньки и для его младшей сестрёнки Танюшки по три конфетки. Когда он закрыл за гостьей дверь, тут же побежал на кухню к конфеткам. Ведь сладости Лёнька мог уничтожать в любом количестве и без особого вреда для здоровья. Хоть бы мама оставила килограмм конфет – всё бы смолотил.

Те конфеты, что принесла соседка, были дорогими и редкими в его Лёнькиной жизни. До чего же красивыми были у них обёртки! Все разные! Манящие сказочными картинками! Лёнька решил, что ничего плохого не случится, если он развернёт одну. И развернул. Конфетка оказалась шоколадной. С павлином из белой глазури на поверхности. Она мгновенно растаяла во рту. И руки уже разворачивали другую – с белочкой на рисунке. Вся обсыпанная орешками, и ещё вкуснее первой! А третья и подавно – состояла из суфле и называлась «Птичье молоко». И рисунок был потрясающе хорош. На фантике с жар-птицей!

Лёнькины конфетки кончились. Но оставались ещё три – Танюшкины. Лёнька их разложил рисунками перед собою. Вот любопытный Буратино. Вот Красная Шапочка. А вот Огни Москвы. Лёнька глубоко вздохнул. Ведь он в Москве родился. А потом после командировки родителей оказался вместе с ними в совершенно другом городе, где у него ещё не появилось настоящих друзей...

Грустно вздохнув, Лёнька ушёл с кухни, чтобы не видеть конфет. Они же для Танюшки!

Но подходило время обеда. И Лёнька проголодался. Ему так хотелось скушать ну хоть ещё одну конфетку!

– Нет, – сказал себе Лёнька, – Танюшка тоже любит сладкое! А потом тётя Нина сказала, что нам принесла по три конфетки, значит три мне, а три Танюшке!

По телевизору шла реклама за рекламой. Ни одной интересной детской передачи! Ни одной сказки! Ни одной песенки! Ни одного детского стихотворения...

В желудке бурчало от голода. И Лёнька поневоле снова оказался на кухне, поглядеть на конфеты ещё раз.

На всякий случай он развернул фантик Огней Москвы и угадал за шоколадным покрытием грильяж. Это были самые любимые его конфеты. Лёнька осторожно лизнул шоколад. Но потом всё-таки завернул обратно в фантик.

– Нельзя! – сказал он себе строго.

И вдруг одна кисленькая мысль отравила его совесть:

– Но ведь ни мама, ни Танюшка не знают, сколько конфет принесла тётя Нина! Подумаешь, разница! По три или по две! Другие конфеты тоже красивые! Тоже сладкие и тоже вкусные! И Танюшка двум обрадуется, как и трём! И никто на свете не узнает о его маленьком обмане...

И Лёнька, успокоившись от такой мысли, решительно развернул грильяж и, засунув его целиком в рот, быстро схрумкал.

Тут в дверь позвонили. Это вернулась мама с Танюшкой.

– Мама! Мама! Была у нас тётя Нина и принесла нам с сестрой по две конфетки, – не моргнув глазом, солгал Лёнька. – Я свои съел, а это Танюшке! – протянул он девочке лакомство.

Но мама не разрешила дочке портить сладким аппетит перед обедом и быстро принялась его разогревать.

Танюшка с Лёнькой уже мыли руки, когда снова пришла тётя Нина.

– Танечка, – радостно нагнулась тётя Нина к Танюшке, чтобы поцеловать её румяную щечку, – а я уже к вам заходила и передала тебе три конфетки!...

Лёнька был готов провалиться сквозь землю, потому что на столе предательски лежали не три, а ДВЕ! ДВЕ конфеты! Мама так выразительно посмотрела на него, что и уши Лёньки покраснели, как свёкла. В горле перехватило. А на глазах выступили слёзы отчаяния и стыда за свою ложь.

Радовалась одна Танюшка. Она ещё не умела считать.

– Это, наверное, третью конфетку съела кошка! – выпалил, не подумав, Лёнька и выбежал из кухни в детскую.

Когда мама зашла к нему, осторожно отворив дверь, он бросился к ней в объятия, рыдая и всхлипывая:

– Мамочка! Прости меня! Прости! Это я! Это не кошка! Я съел конфетку! Я клянусь тебе, мама! Я больше никогда, никогда не обману тебя! И не трону чужого!

Мама ничего не ответила, только погладила его по голове, чтобы успокоить.

Ведь она ясно видела, что только что на Земле состоялся как личность человек по имени Лёнька.

## Долгое Лёдово

Что может быть краше зимы подмосковной? Творили издревле мастерицы кружева, повторяя морозные узоры на окнах. Белили льняные полотна щёлоком на траве, чтобы хрустящей скатертью ложились на столы обеденные. Пудрили щёки красавицы белолицы, зиме подражая. Мяли в прорубях бельё да на ветре зимнем сушили, чтобы запахом свежим ткани напитывались.

Что нужнее крестьянину и долгожданней? После осенней непогоды сковывало намертво дороги, и уже готовились сани. Запрягали кобылок крепкою уздой. Меж сёлами и деревнями налаживалась бойкая торговля. По дороге-то вновь ездить можно!

А самое холодное место в нашем районе – Долгое Лёдово. Там в лесу-то Дед Мороз и живёт. Там просыпается. Там и засыпает. Оттуда выходит гулять по лесам. Реки и озёра сковывает льдом.

Там раньше всего вода замерзает. Раньше всего дорога крепнет. Девки веселее. Парни крепче. Щёки их розовее.

Осень в Долгом Лёдове раньше приходит – весна позже. Не веришь?

Да приезжай в Балашиху, сам посмотри! Водители современных авто – тоже не дураки. Машину в зимнюю резину именно в Долгом Лёдове раньше всех переобувают!

## Кучино

Сороки не водятся ни над Москвою, ни над посёлком Кучино, где теперь свалка, со времён проклятия Кучки. Ведь Москва раньше, до Андрея Боголюбского, была городом Кучков. Величественным и красивым. Мощным и богатым. Юрий Долгорукий искал с языческим князем Кучкой дружбы, поэтому и заключили они договор о любви и дружбе, поженили детей. Юрий отдал Андрея, а Кучка – красавицу Улиту... Лет через двадцать, после того как Андрей Боголюбский начал строить Золотое Кольцо Руси и пошёл крестовым походом на Волжскую Булгарию, любовь его к Улите угасла. Порубал он всех болгарских правителей и завоевал трофей – болгарскую княжну. Сердце его половецкое воспылало новою любовью.

А Улита с тремя сыновьями пошла от Владимира до Кучкова – слёзы лить в жилетку отцу.

Вскипела душа Кучки. Объявил он войну зятю и тестю. Встал обороною Кучков против зятя. Но неравные оказались силы. Как всегда, нашёлся и предатель. Бежал Кучка через Боровицкие ворота в сосновый дикий бор. А тут сорока окаянная. Трещит и трещит. Выдала князя. Напали на него люди Долгорукого. Схватили. Потасили топить его и дочь Улиту и бросили в Поганный пруд. (Теперь это Чистые пруды.) И проклял тогда Кучка сорок. С тех пор не было их в Москве.

Нет их и в Кучино.

## Озеро Козье

Меж болот Балашихинских есть странное место. Нет-нет да и покажутся в озере кучерявые головки пуховых козочек. И слышно, как кричат они, блеют.

Слышать-то их слышно. Да на берегу не видно.

Преданье одно ходит в этих местах.

Давным-давно, когда ещё Москва не раскинула во все стороны свои дорожные артерии, водилось в местных лесах полно всякой живности. Лоси и кабаны обитали здесь. Медведи, лисы, зайцы... И диких козочек паслось превеликое множество.

Одним летом расплодилось тут волков видимо-невидимо. Окружили они стадо диких коз, хватают за ноги, прижимают к озеру. Вот-вот нападут и задерут.

Закричали от страха козочки. Взмолились у берега:

– Прими ты наши души, Дядька Водяной! Не хотим быть растерзанными и съеденными этими страшными животными!

И как только стали козочки в воду прыгать, обращал их тут же Дядька Водяной в лягушек.

Да лягушки те необыкновенные. Такие только здесь и водятся.

Думаешь, это козы блеют у озера Козьего?

Да ты приглядиись! То лягушки за озёрной травой так странно квакают!

## Стоянка на Бисерово

Первые сведения о Балашихе встречаются в летописях XVI века, где упоминается о двух мельницах на Пехре (или просто Пехорке), но отчёт истории Балашихи начинается гораздо раньше. Древнейшие поселения в Подмосковье существовали ещё пять тысяч лет назад. В ряде мест, в том числе и в Балашихинском районе, были обнаружены стоянки человека IV–III веков до н. э. На территории городского округа в настоящее время находится более 350 курганных захоронений. Наиболее крупные из курганных групп – Акатовские, Дятловские и Милетские.

А близ озера Бисерово давным-давно жили себе поживали наши Боги.

Спустились они с далёкой планеты, похожей на рай. Насыщенная медью планета та выглядела прекрасной и синей, пока не случилась там беда и она не стала совершенно непригодной для жизни.

Голубая кровь наших Богов, поселившихся здесь, требовала меди. Поэтому привезли они со своей планеты пшеницу, овёс и другие культуры, насыщенные не железом, красным цветом которого отличается кровь жителей Земли, а медью. Научили жителей Земли делать крепкие спиртные напитки, потому что этого требовала наша гравитация.

Постепенно Боги отучили дикие народы от собирательства и охоты и научили жителей Земли грамоте, возделыванию пахотных земель и поклонению им как более сильным и опытным. Самое важное, чему научили Боги людей, – это поклоняться своей энергии и возводить храмы.

Они смешивались с местным населением. И жизненный срок Богов укорачивался с каждым разом вдвое, пока не стал равен сроку жителей Земли.

Так постепенно растворились они среди землян. Лишь в глазах синева осталась, как память о далёкой планете, с которой они пришли когда-то в эти места.

## Бисерово

Спи, дитяtko, спи, Ладушка. Глазoньки ясные спрячь в ресничушки. А я расскажу тебе сказочку. Как на старом селе было полюшко. Пролетала над ним Богородица. И накрыла покровом от гнева Божия души грешные – безутешные. Бел платок тот не саван, то белый снег. От него земля очищается. От него, дитя, легче дышится. И стоит на ней, на святой земле, бела церковка Пехра-Покровская. А пойдём мы на праздник Покров в эту церковку. Там ворота будут отворены. Смирной, ладаном всё надушено. Мы поклонимся на её кресты. И у образа Богородицы мы запалим с тобою свечушки, да за упокой и здравие всех родных нам с тобой и всех сродников.

Пролетала во второй раз Богородица. Загляделась в озёра чистые. Стали наши озёра синей синего, как глаза у её, у голубушки.

Пролетала в третий раз Богородица. Порвалось на ней ожерельице. Жемчуга разлетелись, рассыпались мелким бисером. Стало озеро то зваться Бисерово. Кажна жемчужинка – это сказочка, дивно светится. Теплом греется. Кто найдёт её – тому и откроется.

Спи – усни, дитя. Ангелов тебе ко сну! Пускай сказки над тобой светят звёздами, что ни сказочка, то жемчужинка, бисериночка – животворный сон...